

Игорь ХОХЛОВ

ВЕРА В ЧУДЕСА

Стихотворения

КЛАДОИСКАТЕЛЬ

Кладоискателем азартным
я в детстве
представлял себя,
сам схемы рисовал
и карты,
о Томе Сойере любя
читать у Твена.

...Пускай я вымазал колено –
пустяк, мальчишка,
не жалею!
Давно мой ужин
на столе, но
копаю яму я смелей,
где клад запрятан?..

И, как пират, почую: золото
уже так близко!..
«Приходи!» –
кричит мне бабушка.
Куда там!
Твой внук, наверное, среди
сокровищ древних!

...Но в мантии,
в ядре – в них,
конечно, там –
лежит мой клад:
вот выкопаю – и деревня
меня узнает.
Буду рад,
кладоискатель!

ШКОЛЬНИК

Девяностые. Детство. Оптовки ряды,
с контрабандой «КамАЗ» под кавказским надзором,
люди, мысли и вещи – вплотную, впритык,
часто ставится пуля в конце разговора.

Все берут, все торгуют – художник, поэт,
академик, актер и военный в шинели:

здесь – собрание Блока, там – блок сигарет,
воздух, кажется, режут, фасуют и делят.

Семилетний мальчишка, а помнишь ли ты:
на расходы тебе дали «энную сумму»?
Что же ты приобрел? Пять наклеек крутых,
шоколадный батончик с нугой и с изюмом!..

Не забыл ты, конечно же, тот лимонад,
что еще продавался в стеклянных бутылках,
помнишь яблоки «джонатан», их аромат,
и, наверное, мальчик, ты не позабыл, как

в первый день сентября шел пронзительный дождь,
и звенел, и звенел, и звенел колокольчик,
а тебя пробирала отчаянно дрожь –
вот и школьник теперь ты, один среди прочих!

ОСЕНЬЮ

...меня пусть выставили вон, за
дверь – совсем не жаль, не жаль –
на улицу! там листьев бронза
покрыла землю и асфальт.

а я – мальчишка-шестиклассник,
с короткой стрижкой, в пиджаке,
смотрю на осень, как на праздник,
не замечаемый никем.

впервые схлопотал я двойку
за поведение – пускай,
но вот учитель будет ой как
меня стыдить при всех, брюзга!..

я выкраду свободу, что же,
такой «отметочной ценой» –
дневник и так устал от ноши:
пятерок в нем полным- полно.

а шелест – дивная соната!
мелодия листвы – везде!
и вспомню взрослым я когда-то
осенний школьный этот день...

Сто семьдесят см
и пятьдесят кг –
я, худенький совсем,
шагаю в пиджаке:

четырнадцать годков,

четырнадцать рублей
в кармане, далеко
до зимних хмурых дней.

...Каким я был тогда,
что было нужно мне?
Кончалось детство? – Да.
А счастье было? – Нет.

Отличником зачем-то
был, чудак такой:
на маленьком плече
и ляжке – широко.

Но дрался через день,
а может, чаще, я:
хотел задирам всем
ударить по шеям –

осуществить, увы,
того не удалось,
прискорбно, но – привык
к тому, что правит зло,

и шел, и шел себе,
но мысли отгонял
дурные, и терпел,
и лучшего ждал дня...

Вахта. Лестница. Коридоры.
Умывальники и белье.
Полушепотом разговоры.
...Так, налево, потом – вперед,

и направо; налево снова –
тут запутаться дважды два!
Вот и дверь. Постучу. Откроет
дед в рубашке махровой мне.

В пятый класс перешел я – что ты!
Впечатлений – на десять лет
с понедельника по субботу...
«Ты послушай, послушай, дед, –

говорю, – о предметах новых,
я всего и не ожидал!..»
Улыбается дед, и кофе
предлагает: «Уже большой!»

Необычная горечь – что же,
к ней пора бы и привыкать,
ведь другой – не кофейной – может,

будет в жизни не два глотка...

А потом мы сыграем в карты,
в домино, не заметив: день
перетек незаметно в вечер:
скоро мне уезжать домой.

...И щетиной мне щеку колет,
обнимая, целуя, дед,
и желает успехов в школе,
и открытий во всем, побед.

Общежитие я покину,
на автобусе номер два,
пятиклассник, домой поеду –
ждут уроки, а время – нет.

...Мы всегда понимаем позже,
что предел есть всему и вся,
и внезапно, как нож под кожу –
вести скорбные, и нельзя

ничего изменить, поправить –
только лучшее вспоминать.
...И прошло уж четыре года,
как я деда похоронил...

ВЕРА В ЧУДЕСА

Темнеет.

На аллее – панки, ласково закат окрасил высь. Представь: с
небес взирают ангелы на нашу жизнь, на нашу жизнь...

К многоэтажкам, магазинчикам прохожие идут: с утра до
поздней ночи – нервны, взвинчены.

Завода трубы, гул, ветра, скамейки шаткие, песочницы – в
них отдыхают алкаши... Вот так день-месяц-год проносятся:
эй, перспектива, покажись!..

Спешат в депо трамваи старые, устав маршруты нарезать.

И под разбитую гитару я ору о вере в чудеса.

Размышлять о жизни Цезаря,
о коварстве... а зачем?
Лучше стать, конечно, слесарем,
да с наколкой на плече.

«Время, – сетовать, – жестокое,

